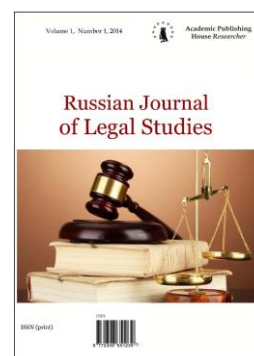


Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation  
Russian Journal of Legal Studies  
Has been issued since 2014.  
ISSN: 2409-627X  
E-ISSN: 2413-7448  
Vol. 5, Is. 1, pp. 37-44, 2016

DOI: 10.13187/rjls.2016.5.37  
[www.ejournal25.com](http://www.ejournal25.com)



UDC 343.01

## International Legal Instruments Against Corruption

Dinar M. Valeev

Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation  
420008 Kazan, Kremlevskaya Str., 18  
Applicant  
E-mail: dinarwaw@mail.ru

### Abstract

The article analyzes the international legal instruments against corruption. The latter determine the main vector of combating this phenomenon. Significant contribution to the development of his opposition was provided by the UN Convention against corruption, adopted on 31.10.2003 Resolution 58/4 of the General Assembly of the United Nations and entered into force on 14 December 2005, ratified by Russia in 2006 and the Convention of the Council of Europe criminal law Convention on corruption (Strasbourg, 27 January 1999), ratified by the Russian Federation of 25 July 2006 (FL-125). The author concludes that a number of provisions of international legal instruments require further explanation and clarification of differences between categories of concepts, and there is a discrepancy in the definition of terms.

**Keywords:** corruption, international legal instruments, transnational organized crime, laundering proceeds of crime, the UN Convention against corruption dated 31.10.2003, the Convention of the Council of Europe criminal law Convention on corruption (Strasbourg, 27 January 1999), the UN Convention against transnational organized crime

### Введение

Транснациональная организованная преступность, безусловно, получает импульсы для своего генезиса, иначе она не смогла бы приобрести глобальный характер. Генезис в широком смысле этого понятия представляет не только происхождение, возникновение, но и последующий процесс развития, приводящий к определённому состоянию, явлению. Развитие же трактуется в методологии науки как необратимое, направленное, закономерное изменение материальных и идеальных объектов. Только одновременное наличие всех трёх этих свойств выделяет процесс развития среди других изменений: обратимость, катастрофичность (когда наличествует в изменении не закономерность, а случайность), отсутствие направленности (это приводит к тому, что изменения не могут накапливаться, и потому процесс лишается характерной для развития единой, внутренне взаимосвязанной линии. В результате развития возникает новое качественное состояние явления или объекта [1, С. 561].

Коррупция предстаёт, в этой связи, как полноценный элемент асоциальной деятельности транснациональной организованной преступности. Этот факт отмечается многими исследователями [2; 12; 13].

## Материалы и методы

Статья подготовлена на основе анализа международно-правовых документов против транснациональной организованной преступности и коррупции, научной литературы. Методологическую основу образуют общие принципы научного познания (материалистическая диалектика). Автором применялись также общенаучные подходы: системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой. Нашел применение такой метод научного познания как формально-юридический метод. Таким образом, можно заключить, что при подготовке статьи использован комплекс научных методов, применение которых обеспечивает объективность и всесторонность предмета анализа, а также достоверные научные результаты познания как противодействия коррупции, так и транснациональной организованной преступности в целом.

## Обсуждение

Международно-правовое определение коррупции, использующихся в документах ООН и Совета Европы (СЕ) таково: это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп. Так, по определению Совета Европы, коррупция представляет собой взяточничество и любое другое поведение лиц, которым поручено выполнять определённые обязанности в государственном или частном секторе, ведущее к нарушению обязанностей, возложенных на них по статусу публичного (государственного) должностного лица, частного сотрудника, независимого агента, и имеющее целью получать любые незаконные выгоды в личных целях, в целях третьих лиц и групп.

В науке международного права представлены два основных подхода к определению понятия коррупции. В широком смысле коррупция предстаёт как негативное явление, поразившее публичный аппарат управления и выражающееся в умышленном использовании государственными служащими и служащими в структурах местного самоуправления, уполномоченными на выполнение управленческих функций, своего служебного положения (должности, статуса, авторитета) в корыстных целях для личного обогащения.

В более узком смысле коррупция выступает как совокупность составов преступлений, предусмотренных в нормах международного права, и отличающихся наличием главного квалифицирующего признака – использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях (как личных, так и групповых). Такой позиции, к примеру, придерживается П.Н. Бирюков [3, С. 491-493].

Как справедливо отмечает А.М. Цирин, «нельзя не отметить, что подобные трактовки хотя и отражают основной квалифицирующий признак коррупции – использование должностным лицом своего служебного положения в целях получения ненадлежащей выгоды, но, всё же, страдает ассиметричностью. Анализ видов коррупционных деяний, закреплённых международными и национальными нормативно-правовыми актами, позволяют сделать вывод о необходимости отражения в определении коррупции и другого аспекта этого явления – предоставление выгоды должностному лицу, сопровождаемого нарушением законности» [4, С. 28-29].

На наш взгляд, в Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999) так и остаётся нерешённым вопрос понимания различий категорий «получение выгоды», «предоставление выгоды» и «получение неправомерного преимущества». Помимо несовпадения логического ряда категорий «получение выгоды» и «предоставление выгоды» категория «получение преимуществ» в большей степени касается лиц, предпринимающих попытки к даче взятки должностному лицу. Как раз цель такого лица (лиц) заключается в получении каких-либо преимуществ от должностных лиц. Из данной конвенциональной нормы не вытекает однозначный вывод: каким образом «предоставленное преимущество» публичному должностному лицу является синонимом получения им выгоды, к примеру, это следует из Конвенции ООН против коррупции, в которой, в свою очередь, выгода отождествляется с имуществом и не имуществом. В пункте «d» ст.2 Конвенции ООН «имущество означает любые активы, будь то материальные или нематериальные, движимые или недвижимые, выраженные в вещах или в правах, а также юридические документы или акты, подтверждающие право собственности на такие активы или интерес в них». Следует отметить, что такая широкая трактовка

сущности категории «имущество» не встречается больше ни в каком другом международно-правовом акте. В определении, на наш взгляд, содержится логическая ошибка. Речь идёт об «интересе в активах», который, по мнению, разработчиков Конвенции, представляет собой один из элементов, составляющих содержание имущества. Интерес в чём-либо (в том числе на активы) не может, на наш взгляд, являться имуществом, так как он трактуется однозначно в методологии науки как реальная причина действия, но не само действие по обладанию чем-либо [5, С. 213]. Почему понятный термин «выгода» был заменён на абсолютно неоднозначный термин «получение преимуществ», под которым можно подразумевать всё что угодно: как имущество, так и нематериальные блага.

В целом, предваряя наш анализ некоторых положений Конвенции ООН против коррупции, которая принята 31.10.2003 Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеей ООН и вступившей в силу 14 декабря 2005 г., ратифицированной РФ в 2006 г. и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999), ратифицированной РФ 25 июля 2006 г. (ФЗ-125), *отметим следующие теоретические проблемы коррупции* (от лат. *corruptio* – подкуп):

Во-первых, это комплексное политико-правовое и экономико-правовое явление, общепризнанное понятие которого в международном праве *отсутствует*. К примеру, в ст. 2 Конвенции «Термины» *отсутствует самый главный термин – «коррупция»*;

Во-вторых, чаще всего под коррупцией понимается преступная деятельность в политике, государственном управлении, внешней торговле и в других сферах, состоящую в использовании должностными лицами их властных возможностей с целью личного обогащения;

В-третьих, в международном коммерческом праве под коррупцией понимаются незаконные выплаты (отметим, что речь не идёт о получении преимуществ публичным должностным лицом) фирм, корпораций, публичным должностным лицам в своей стране и за рубежом в целях их подкупа для получения льготных или более благоприятных условий для своего бизнеса.

В-четвёртых, в международном праве отсутствуют чёткие дефиниции понятий «проявления коррупции» и «средства коррупции». Так, наиболее типичными появлениями коррупции считается подкуп чиновников, общественно – политических деятелей, взяточничество за законное и незаконное предоставление благ и преимуществ, протекционизм. К средствам коррупции опять-таки относят подкуп должностных лиц, сокрытие в отчётности выплат от взятки, вымогательство [6, С. 443].

В-пятых, коррупция не образует единого состава преступления. Действия, относящиеся к коррупции, обычно признаются различными самостоятельными преступлениями, которые могут выражаться в получении взятки, отмывании незаконных доходов, коммерческом подкупе, злоупотреблении должностными полномочиями, служебном подлоге, провокации взятки, в покровительстве или попустительстве по службе.

В-шестых, нет до сих пор чёткого определения того, какие действия приводят к незаконному обогащению. Это, по мнению российских правоведов – международников, доктринальный вопрос, поскольку уголовные кодексы многих стран (в том числе и России) криминализуют деяния, а незаконное обогащение – сердцевина коррупции – это результат деяний. «То есть предполагается устанавливать уголовную ответственность за результат, а не за действия. Но как только мы начнём переводить это в уголовный процесс, в реальные процедуры, возникает вопрос: что должно входить в предмет доказывания? Говорить, что «незаконное обогащение» - стандартные нормы, нельзя». Возьмём статью 16 Конвенции ООН. Здесь два подхода к неразрывному деянию: дача взятки и получение взятки. В первом случае – императив, во втором – факультатив» [7, С. 53-54].

В-седьмых, существуют значительные расхождения в методах оценки государствами, что подлежит конфискации в связи с преступной деятельностью.

В-восьмых, существует серьёзное противоречие между укрепившимися в международном праве стандартами приоритета отдельных прав личности по сравнению с групповыми и общественными интересами. Групповые и общественные интересы должны иметь одинаковый статус с индивидуальными, иначе борьба с коррупцией, отмыванием доходов как причина и следствие деятельности транснациональной организованной преступности упрётся в очередные реверансы перед правом личности, имеющем приоритет

над правом любого сообщества, в том числе и мирового. Эти доктринальные по своему содержанию вопросы не нашли должной проработки у теоретиков международного права [8; 15; 16].

В-девятых, теоретической проблемой борьбы с коррупцией является отсутствие в международном праве единой методики диагностики коррупционных деяний. В связи с этим более 95 % коррупционных деяний не регистрируются, не рассматриваются и не наказываются. И это происходит на таком негативном фоне, когда из общего числа организованных преступных группировок, выявленных во второй половине 90-годов прошлого столетия и в начале третьего тысячелетия, более трети использовали связи с коррумпированными чиновниками [9, С. 67].

Масштабы распространённости коррупции в мире, её связь с деятельностью транснациональной организованной преступностью, терроризм и другие, представляющие угрозу мировому сообществу негативными явлениями, свидетельствуют о необратимости этого процесса. Следовательно, у него есть объективные корни роста.

Осознание масштабов коррупции, необратимость и чёткость её направленности к получению выгоды и господства было положено в основу принятия Конвенции ООН против коррупции, революционной по своей сути, представляющей собой аккумулированный международно-правовой акт, основанный на предыдущих международных правовых актах, регулирующих сферу борьбы с коррупцией. Об этом убедительно свидетельствует Преамбула Конвенции.

Доктринальное толкование *Преамбулы Конвенции* Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года дает основания для следующих выводов:

- во-первых, дана характеристика коррупции как явлению, угрожающему верховенству закона, демократии и правам человека, подрывающие принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствующему коррупции, затрудняющему экономическое развитие, связанному с организованной преступностью и отмыванием денег, и угрожающим стабильности демократических институтов и моральным устоям общества;

- во-вторых, подчёркивается необходимость активизации и надлежащего осуществления международного сотрудничества в борьбе против коррупции в уголовно-правовой сфере;

- в-третьих, устанавливаются содержательные параметры Конвенции как международно-правового акта, предусматривающего согласованную квалификацию правонарушений в форме коррупции как уголовно-наказуемых деяний и сотрудничество государств в целях преследования за совершение таких правонарушений;

- в-четвёртых, прослеживаются поэтапно источники Конвенции.

Можно также утверждать, что в Конвенции сформулирован в основном правоприменительный уровень борьбы с коррупцией.

В связи с анализом Преамбул данных Конвенций, *следует заключить, что ими сформулированы все необходимые уровни противодействия коррупции и борьбы с ней, а также произошло значительное содержательное обогащение понятия «коррупция», что, безусловно, можно расценивать как создание универсального механизма борьбы с коррупцией.*

Не преследуя цель дать полноценный анализ Конвенций в связи с уже проведённой плодотворной работой в этом направлении другими исследователями, *остановимся лишь на некоторых их проблемных, с нашей точки зрения, аспектах.*

Во-первых, наблюдается расхождение в Конвенциях в определении термина «публичное государственное должностное лицо». Так, например, в Конвенции ООН «публичное должностное лицо» означает: «любое назначаемое или избираемое лицо, занимающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном или судебном органе государства-участника на постоянной или временной основе, за плату или без оплаты труда, независимо от уровня должности этого лица; любое другое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию, в том числе для публичного ведомства или публичного предприятия, или предоставляющее какую-либо публичную услугу, как это определяется во внутреннем законодательстве государства-

участника и как это применяется в соответствующей области правового регулирования этого государства-участника; любое другое лицо, определяемое в качестве «публичного должностного лица» во внутреннем законодательстве государства-участника».

В Конвенциях ООН против транснациональной организованной преступности и против коррупции *требуется криминализовать только активный подкуп иностранных публичных лиц, а в Конвенции СЕ предусмотрена криминализация подкупа в отношении всех видов официальных (публичных) действий*. Конвенция ООН против коррупции ограничивает это обязательство случаем, когда это совершается для получения или сохранения коммерческого или иного неправомерного преимущества в связи ведением международных дел.

Примерно 40 % текста Конвенции ООН против коррупции и 30 % текста Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию посвящены *вопросам отмывания доходов от преступлений*, связанных с коррупцией, ареста, конфискации имущества и возврата активов. Всё это способствует, несомненно, созданию глобальной системы управления мировыми финансовыми потоками и контролю над ними. Тем более, что мировое сообщество имеет серьёзные организационные структуры, зарекомендовавшими себя эффективными органами по борьбе с коррупцией и, в частности, с её главным методом – отмыванием денег.

Учитывая то, что значительная роль в отмывании преступных доходов принадлежит банкам, мировое сообщество предприняло беспрецедентный шаг, посягнув на принцип банковской тайны» [10, С. 80]. В п. 3 ст. 5 Венской Конвенции указывалось, что с целью осуществления конфискации каждая Сторона уполномочивает свои суды или другие компетентные органы издавать постановления о предоставлении либо аресте банковских, финансовых или коммерческих документов и не уклоняться от принятия мер в соответствии с положениями настоящего пункта, ссылаясь на необходимость сохранения банковской тайны. Более того, согласно ст. 7 Конвенции, Стороны предоставляют друг другу самую широкую взаимную юридическую помощь в расследовании, уголовном преследовании и судебном разбирательстве, касающихся уголовного правонарушения, признанного таковым в соответствии с п. 1 ст. 3 Конвенции, и при этом сторона не должна отказываться от предоставления юридической помощи, ссылаясь на банковскую тайну.

«В последнее десятилетие, - отмечает Л.Н. Анисимов, - организованная преступность и коррупция, в том числе легализация (отмывание) доходов, полученных незаконным путём, приняли международный характер, в особенности в крупных финансовых и экономических центрах Европы, и превратившись в *политический фактор* (курсив наш – Д.В.), негативно влияющий на авторитет государственной власти [11, с. 88].

Вернёмся к нашему утверждению, высказанному выше, о прогрессе, достигнутом в Конвенции ООН против коррупции по вопросам возврата активов и распоряжении ими (ст. 57 Конвенции).

### **Результаты**

Таким образом, в Конвенции *устанавливаются необходимость участия общества в противодействии коррупции* путём расширения и распространения знаний по вопросам предупреждения коррупции (п.1 ст. 5, подпункт «в» пункта 1 ст.6). Устанавливается принцип подбора не избираемых должностных лиц на основе таких критериев, как безупречность работы, справедливость, способности (подпункт «а» пункта 1 ст. 7). Подпункт «d» пункта 1 ст.7 устанавливает необходимость внедрения широких образовательных и учебных программ с целью прохождения публичными должностными лицами специализированной и надлежащей подготовки. Итогом внедрения таких программ должно явиться добросовестное и надлежащее выполнение должностными лицами публичных функций, а также осознание ими рисков, которые сопряжены с коррупцией и связаны с выполнением ими публичных функций. В статье 8 устанавливаются цели, принципы Кодексов поведения публичных должностных лиц, которые могут быть восприняты Государствами – участниками в рамках своих институциональных и правовых систем. В качестве модельного Кодекса в пункте 3 данной статьи предложен Международный Кодекс поведения государственных должностных лиц, содержащийся в приложении к резолюции 51/59 Генеральной Ассамблеи от 12 декабря 1996 года.

*Конвенции ООН и СЕ создают эффективный механизм противодействию отмывания доходов, цель которого – скрыть криминальный источник происхождения средств и предоставить деньги в качестве полученных законных путём.*

### **Заключение**

В результате проведённого анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, международно-правовое легальное определение коррупции нуждается в корректировке в связи недостаточной правовой определённости ключевых его элементов «получение преимуществ» и «имущество»; в международном праве отсутствуют чёткие дефиниции категорий «проявление коррупции» и «средства коррупции»; в международном праве не фиксируется тот факт, что коррупция не образует единого состава преступления; коррупция, являясь незаконным обогащением – это результат деяния, а уголовные кодексы стран мира криминализируют сами деяния, а не их результат, что не позволяет национальным правовым системам эффективно противодействовать коррупции.

Во-вторых, в глобализующемся мире наблюдается тенденция контролирования государственной власти финансовыми структурами. В связи с этим происходит *процесс политизации коррупции*, когда для продвижения своих национальных интересов государства используют коррупционные механизмы для воздействия в нужном для них направлении на отдельные страны мира и даже на регионы. Полагаем, что процесс политизации коррупции – это закономерность её развития в глобализующемся мировом пространстве.

В-третьих, анализ Преамбул Конвенции ООН против коррупции и Конвенции СЕ об уголовной ответственности за коррупцию, позволил определить уровни их воздействия на предотвращение коррупции и борьбы с ней.

В-четвертых, наблюдается расхождение в конвенционном праве в определении категориально статуса «публичное лицо», «должностное лицо», «иностранное должностное лицо», что не способствует формированию единой правовой политики государств по предотвращению коррупции и борьбе с ней. Анализ конвенционных норм показал, что коррупция выходит за пределы взяточничества и охватывает многочисленные формы незаконного присвоения публичных средств для личного использования.

В-пятых, отмывание доходов, полученных незаконным путём – это конечная цель деятельности транснациональной преступности, реализовывать которую она способна только при помощи коррупции.

В-шестых, сравнительно-правовой анализ некоторых положений Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция) и Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбургская конвенция) позволил определить, кроме их несомненных достоинств и ряд недостатков (неразвитость понятия «отмывание доходов» в Венской Конвенции; установление нормы в Страсбургской Конвенции, в соответствии с которой за Сторонами сохраняется право предусмотреть в национальном законодательстве положения, в соответствии с которыми преступления, представляющие собой отмывание доходов, не могут вменяться в вину лицам, совершившим основное преступление; двойственность квалификации конфискации в Страсбургской Конвенции и др.

### **Примечания:**

1. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983.
2. Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, получаемых преступным путем. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
3. Бирюков П.Н. Международное право: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2006.
4. Цирин А.М. Формирование институциональной основы противодействия коррупции в федеральных органах исполнительной власти // Журнал российского права. 2009. № 3.
5. Философский энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1983.
6. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. Изд. 5-е, доп. и перераб. / под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 2007.

7. Россия-Европа: вместе против коррупции (материалы). Ч.1 Материалы совместного проекта. Приведение российского антикоррупционного законодательства в соответствие с международными стандартами (перераб. и подг. А.Б. Горяниным и В.В. Хлусовым). М., 2009.
8. Правовая система в России в условиях глобализации. Сборник материалов «круглого стола» / под ред. Н.П. Колдаевой, Е.Г. Лукьяновой. М: «Ось-89», 2005.
9. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности // Общество и экономика. 2008. № 3-4.
10. Рогачевский Л.А. Адвокатура в правовом механизме противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансирования терроризма: международно-правовой и внутригосударственные аспекты // Правоведение. 2005. № 4.
11. Анисимов Л.Н. Международно-правовые средства противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных незаконным путём // Московский журнал международного права. 2001. № 1.
12. Долгов М.А. Противодействие коррупции: соотношение международно-правового и внутригосударственного регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
13. Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект). Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2007.
14. Найдено В. Н. Средства противодействия коррупции как фактору, способствующему распространению этнонационального экстремизма в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6.
15. Андрианов В. Коррупция как глобальная проблема современности // Общество и экономика. 2008. № 3-4.

#### References:

1. Philosovskiy enciklopedicheskiy slovar'. M: «Sovetskaya enciklopediya», 1983.
2. Ivanov E.A. Sistema mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya s legalizaciei (otmyvaniem) dohodov, poluchaemyh prestupnym putem. Avtoref. dis. ... kand. nauk. M., 2004.
3. Biriukov P.N. Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnoe posobie. M.: Yurist, 2006.
4. Tcirin A.M. Formirovanie institutcional'noi osnovy protivodeistviya korrupcii v federal'nyh organah ispolnitel'noi vlasti // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 3.
5. Philosovskiy entciklopedicheskiy slovar'. M: «Sovetskaya entciklopediya», 1983.
6. Tihomirova L.V., Tihomirov M.Y. Yuridicheskaya entciklopediya. Izd.5, dop. i pererab. / Pod red. Tihomirova M.Y. M., 2007.
7. Rossiya-Evropa: vmeste protiv korrupcii (materialy). Ch.1 Materialy sovместnogo proekta. Privedenie rossiiskogo antikorrupcionnogo zakonodatel'stva v sootvetstvie s mezhdunarodnymi standartami (pererab. i podg. A.B. Goryabinyim i V.V. Hlусovym). - M. 2009.
8. Pravovaya sistema v Rossii v usloviyah globalizatsii. Sbornik materialov «kruglogo stola» / Pod red. N.P. Koldaevoi, E.G. Luk'yanovoi. M: «Os'-89», 2005.
9. Andrianov V. Korrupcia kak global'naya problema sovremennosti // Obchestvo i ekonomika. 2008. № 3-4.
10. Rogachevskiy L.A. Advokatura v pravovom mehanizme protivodeistviya legalizatsii dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniya terrorizma: mezhdunarodno-pravovoi i vnutrigosudarstvennye aspekty // Pravovedenie. 2005. № 4. s.80.
11. Anisimov L.N. Mezhdunarodno-pravovye sredstva protivodeistviya legalizatsii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh nezakonnym putem // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2001. № 1.
12. Dolgov M.A. Protivodeistvie korrupcii: sootnoshenie mezhdunarodno-pravovogo i vnutrigosudarstvennogo regulirovaniya. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan, 2007.
13. Nigmatullin R.V. Sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s prestupleniyami mezhdunarodnogo haraktera v v XX-nachale XXI stoletiya (istoriko-pravovoi aspekt). Avtoref. dis. ... doktora yurid. nauk. M., 2007.
15. Naidenko V.N. Sredstva protivodeistviya korrupcii kak faktor, sposobstvuyuchemu rasprostraneniyu etnonatsional'nogo ekstremizma v Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2009. № 6.

16. Andrianov V. Korruptsiya kak global'naya problema sovremennosti // Obchestvo i ekonomika. 2008. № 3-4.

УДК 341.01

### **Международно-правовые акты против коррупции**

Динар Мунирович Валеев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация  
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18  
Соискатель  
E-mail: dinarwaw@mail.ru

**Аннотация.** В статье проводится анализ международно-правовых актов против коррупции. Последние определяют основной вектор борьбы с этим явлением. Существенный вклад в развитие его противодействию оказали Конвенция ООН против коррупции, которая принята 31.10.2003 Резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеей ООН и вступившая в силу 14 декабря 2005 г., ратифицированная РФ в 2006 г. и Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999), ратифицированная РФ 25 июля 2006 г. (ФЗ-125). Автор делает вывод о том, что ряд положений международно-правовых актов требуют дополнительного разъяснения и уточнения относительно различий категорий понятий, а также наблюдается расхождение в определении терминов.

**Ключевые слова:** коррупция, международно-правовые документы, транснациональная организованная преступность, отмывание доходов, полученных преступным путем, Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности.